

Су Юй покачал головой, в глазах его светилась улыбка:

— Если вы хотите, режиссёр Чжан, люди придут. Но мне кажется, вы сами не хотите, чтобы они портили вам настроение. Чем тише мы сейчас будем, тем громче будет наша победа в будущем. Они пожалеют об этом, и это станет для них самым громким пощёчиной.

Чжан И, тронутый, крепко сжал руку Су Юя. Кроме Тан Шаокэ, Су Юй был вторым, кто так верил в него. Он принял эту доброту.

Не говоря уже о том, что ради Тан Шаокэ он должен был принять её.

Тан Шаокэ молча наблюдал. Лицо Су Юя словно светилось, и его полный надежды вид был настолько ярким, что, казалось, мог растопить его.

Увидев, что Су Юй обернулся, Тан Шаокэ слегка приподнял бровь, чувствуя себя немного неловко.

Тем временем Ми Вэй отвёл Янь Чэна в угол и протянул ему папку.

Янь Чэн удивлённо посмотрел.

Ми Вэй заговорил резким тоном:

— Не говори мне, что ты, как агент, не знаешь о том, что Су Юй собирается подписать контракт с Хайцзэ?

Янь Чэн смущённо почесал затылок. Он всё время хотел спросить, что происходит, но так и не нашёл подходящего момента.

Под презрительным взглядом Ми Вэя Янь Чэн внимательно изучил контракт. Сам документ был в порядке, а условия были более чем щедрыми, но пункты были куда более мягкими, чем он ожидал.

В любое время можно было создать собственную студию, работающую под эгидой Хайцзэ.

Компания обещала предоставлять ресурсы в первую очередь.

Даже свобода в отношениях была учтена: компания не будет препятствовать любовным связям, достаточно просто уведомить.

Такой контракт явно не был обычным для новичка. Янь Чэн почувствовал лёгкое беспокойство, глядя на молчавшего Ми Вэя.

Ми Вэй внутренне вздохнул. Он тоже считал, что это слишком снисходительно, но контракт был составлен лично старшим братом Таном, и раз шеф сказал, подчинённый мог только выполнить.

Особенно выделялись жирным шрифтом четыре слова: «Свобода в отношениях». Это было как удар в десять тысяч очков для одинокого пса.

В конечном итоге решение о подписании контракта оставалось за Су Юем, и Ми Вэй понимал это, но настаивал на скорейшем принятии решения.

Закончив с делами, Янь Чэн тихо подошёл к Ми Вэю и шепнул пару слов.

Ми Вэй взорвался, как надутый поросёнок, и его пухлое тело моментально подпрыгнуло вверх, а затем с грохотом упало на землю, подняв облако пыли, из которого раздался громкий крик:

— Чушь!

— Говоришь, что я плохой агент? Вчера поздно вечером мне вдруг позвонили и сказали, что режиссёр Чжан нуждается в моей помощи, даже билеты и отель заказали, велели срочно приехать.

Ми Вэй, глядя на спину Тан Шаокэ вдалеке, потирая покрасневший нос, фыркнул.

— И что же? Я мчался сюда, а режиссёр Чжан был удивлён больше меня. Я спросил, и оказалось, что он вообще не просил меня приезжать. Ложная тревога, да? Зачем это было нужно, просто чтобы подшутить надо мной?

Ми Вэй становился всё более возбуждённым, брызгая слюной во все стороны. Янь Чэн молча вытер лицо рукавом, уголок его рта дёрнулся. Он и не знал, что у Тан Шаокэ такая сторона. Всё-таки их А Юй был куда добрее.

Тан Шаокэ, которого донимали бесконечные ворчания Ми Вэя, вдруг чихнул. Су Юй инстинктивно протянул руку, потрогал лоб Тан Шаокэ, затем свой собственный и только тогда успокоился.

С облегчением он поднял глаза и встретился взглядом с ошеломлённым Тан Шаокэ. Только тогда Су Юй понял, что он сделал.

Он хотел было отвернуться, но ладонь Тан Шаокэ уже схватила его за воротник, развернув его.

Тан Шаокэ с недовольным выражением лица выровнял лицо Су Юя, глядя на его слегка смущённое лицо, и уверенно сказал:

— Я хочу горячей воды.

— И тефтели «Четыре радости». Тушёные.

Су Юй, глядя на капризное божество, был в восторге и покорно последовал за Тан Шаокэ на кухню.

— Оставьте немного и мне, — крикнул Чжан И.

Тан Шаокэ махнул рукой, спокойно ответив:

— Мечтайте.

Чжан И усмехнулся. Действительно, всё имеет свою противоположность. Гордый вид Тан Шаокэ был редкостью.

Кухня в съёмочной группе, конечно, не могла быть слишком роскошной. К счастью, ингредиенты для «львиных голов» были простыми.

Су Юй взял немного постного мяса и добавил немного жира. Когда белый жир положили на разделочную доску, Тан Шаокэ кашлянул. Су Юй обернулся, подумав, что это признак простуды, и поспешил налить ему стакан горячей воды.

Тан Шаокэ взял воду, но его взгляд случайно скользнул по жиру на доске, и он нахмурился, глядя на Су Юя.

Су Юй понял и засмеялся:

— Если использовать только постное мясо, вкус будет не тот. Обещаю, когда будете есть, не почувствуете жирности.

Он поднял три пальца, как бы клятвенно, и, наблюдая, как Тан Шаокэ пьёт воду, вернулся к приготовлению.

Жирное и постное мясо в пропорции три к семи не рубили, как для пельменей, а аккуратно нарезали. Процесс нарезки занял около десяти минут, пока мясо не превратилось в мелкую крошку.

Добавив воду, мелко нарезанный лук, имбирь, яичный белок, рисовое вино и соль, он всё тщательно перемешал.

Приготовленный соус нанёс на ладонь, и Су Юй, ловко двигая пальцами, сформировал четыре шарика.

Наблюдая за этими движениями, Тан Шаокэ нахмурился, его взгляд не отрывался от Су Юя.

Су Юй был одет в белую рубашку и свободные брюки, его стройная фигура делала даже простую одежду элегантной, но он выглядел ещё моложе.

Су Юю двадцать один? Тан Шаокэ не был уверен. Двадцать один или двадцать два — в любом случае он был младше его на шесть-семь лет.

Шесть-семь лет... Тан Шаокэ потрогал недавно отросшую щетину, посмотрел на своё отражение в окне. Может, стоит сбрить её, чтобы выглядеть моложе?

Су Юй случайно обернулся и увидел Тан Шаокэ, прислонившегося к дверному косяку и проводящего пальцем по подбородку. Такого задумчивого выражения он никогда раньше не видел.

Шарик в его руке случайно сплющился, и он машинально бросил его в кипящее масло, которое зашипело. Брызги масла попали на его руку. Су Юй скривился, только тогда осознав, что произошло, и, встряхнув руку, помешал шарики в масле.

Тан Шаокэ тоже вздрогнул от звука, его взгляд упал на слегка дрожащую правую руку Су Юя, на которую попали брызги масла. С недовольным видом он развернулся и вышел.

Су Юй надулся. Шарики уже подрумянились, и он поспешил вынуть их.

В другую миску он положил нарезанный бамбук, сверху шарики и поставил всё на паровую баню.

Тан Шаокэ попросил только «львиные головы», но Су Юй чувствовал, что из-за спешки шарики немного пережарились, а теперь ещё и варятся на сильном огне, что может ухудшить вкус. Вспомнив, что осталось немного мясной крошки, он решил сделать маленькие пельмени, чтобы было сытно и можно было выпить горячий бульон.

Когда Тан Шаокэ вернулся, он увидел Су Юя, закатавшего рукава и замешивающего тесто, с

лицом, испачканным мукой.

Пальцы Тан Шаокэ слегка сжались, как будто он и не уходил, и он просто наблюдал за действиями Су Юя.

Пельмени получились маленькими и аккуратными, с тонким тестом и плотной начинкой. В кипящей воде они не развалились.

Су Юй с удовлетворением кивнул, выловил их и положил в большую миску, накрыв крышкой.

Затем он посмотрел на Тан Шаокэ, вытер рукой лицо и увидел, как божество нахмурилось, жестом подзывая его.

Су Юй замер, а Тан Шаокэ уже раздражённо сказал:

— Иди сюда.

Голос его звучал недовольно, но Су Юй не был расстроен, быстро подошёл к божеству, молча, с глупой улыбкой на лице.

Его милое лицо с глуповатым выражением заставило Тан Шаокэ чуть не рассмеяться. Почему этот маленький дурачок не понимал, что его тон был недобрым? Но почему он находил эту глупость такой привлекательной?

Внутри Тан Шаокэ расцвело от улыбки Су Юя, но на лице его оставалась строгость. Он взял правую руку Су Юя и, поднеся её к свету, осмотрел. Масло в сковороде было очень горячим, и две капли, попавшие на руку, уже оставили два волдыря, кожа вокруг них покраснела.

<http://bllate.org/book/16588/1515770>